

Алияри Шорехдели Махбубех, Мохаммади Мохаммад Реза, Эрфаниян Саффар Марджан
**СООТНОШЕНИЕ РУССКИХ ОДНОСОСТАВНЫХ И ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С
НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ЛИЦОМ-ДЕЯТЕЛЕМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПЕРСИДСКИМ ЯЗЫКОМ**

В русском языке значение неопределенности лица-деятели реализуется в использовании различных лексико-морфологических и семантических средств, между некоторыми из них имеются соотношения. В данной статье мы уделяем внимание возможности или невозможности замены неопределенно-личных предложений на предложения с неопределенными местоимениями в сопоставительном русско-персидском аспекте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 59-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.367

В русском языке значение неопределенности лица-деятеля реализуется в использовании различных лексико-морфологических и семантических средств, между некоторыми из них имеются соотношения. В данной статье мы уделяем внимание возможности или невозможности замены неопределенно-личных предложений на предложения с неопределенными местоимениями в сопоставительном русско-персидском аспекте.

Ключевые слова и фразы: неопределенность лица-деятеля; неопределенно-личное предложение; неопределенное местоимение; русский язык; персидский язык.

Алияри Шорехдели Махбубех, к. филол. н.

Мохаммади Мохаммад Реза, к. филол. н.

Эрфаниян Саффар Марджан

Университет «Тарбият Модарес», г. Тегеран, Иран

m.aliyari@modares.ac.ir; mrmoham@modares.ac.ir; m.erfanian@modares.ac.ir

СООТНОШЕНИЕ РУССКИХ ОДНОСОСТАВНЫХ И ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ЛИЦОМ-ДЕЯТЕЛЕМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПЕРСИДСКИМ ЯЗЫКОМ

Категория лица играет важную роль в формировании коммуникативного потенциала предложения как в русском, так и в персидском языках и постоянно вызывает интерес ученых (В. В. Виноградов [5], А. В. Бондарко [3], Г. А. Золотова [8] и др.). Согласно мнению лингвистов, категория лица выражает отношение действия к говорящему, собеседнику или третьему лицу в речевом процессе. В большинстве языков мира по разным причинам, в том числе по причине неопределенности лица-деятеля, его неважности для говорящего или слушающего и др., употребляются разнообразные конструкции, указывающие на действие, которое совершается неопределенным лицом.

В современном русском языке неопределенность действующего лица выражается разнообразными лексико-грамматическими и синтаксическими способами, и их распространенные значения вызывают трудности у иранских студентов для выбора подходящего и правильного эквивалента. Поэтому остро ощущается необходимость проведения исследования, рассматривающего сходства и различия этих конструкций. Универсальная категория определенности / неопределенности описывается как важная часть в языках различного строя. «Функция ее – актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [12, с. 349]. Но средства выражения и типология данных средств отличаются от одного языка к другому.

По мнению Г. А. Золотовой, категория неопределенности выражает субъект действия как неопределенное, неизвестное или намеренно устраненное лицо по неважности его в содержании информации [8, с. 162].

В русском и персидском языках значение неопределенности лица-деятеля реализуется в использовании различных лексико-морфологических и семантических средств, между некоторыми из них имеются соотношения. Одним из синтаксических способов выражения и передачи понятия неопределенности лица-деятеля в русском языке являются неопределенно-личные предложения.

Неопределенно-личное предложение – «простое, односоставное, бесподлежащее предложение с глаголом-сказуемым, называющим такое действие, которое выполняет неназванный и неопределенный активный деятель – некие люди (человек)» [19, с. 263].

По мнению А. Н. Гвоздева, «неопределенно-личные предложения передают сообщения о действиях, которые совершаются теми или иными деятелями или иногда одним деятелем; но то, кем совершает действие, не представляется на совершающемся действии» [6, с. 90]. В. Т. Гневко также считает, что в этих предложениях «действие, выраженное личными формами множественного числа глагола-сказуемого, обозначает предикативный признак, который относится к неопределенному лицу» [7, с. 26].

Неопределенно-личные предложения по семантике и значению близки к типичным двусоставным предложениям с неопределенными местоимениями (*кто-то, кое-кто, кто-нибудь, кто-либо, некто*) в роли действующего лица в именительном падеже. Неопределенные местоимения, образующиеся от вопросительно-относительных местоимений при помощи словообразовательных элементов (*-то, -нибудь, -либо, кое-, не-*) содержат указание на неопределенное лицо для говорящего или слушающего [20, с. 149-150]. Каждый словообразовательный элемент придает местоимениям различные смысловые оттенки неопределенности, неизвестности и влияет на стилистическую окраску местоимений [22, с. 70].

В данной статье мы уделяем внимание возможности или невозможности замены неопределенно-личных предложений на предложения с неопределенными местоимениями и способы их выражения в персидском языке.

Одно из различий между неопределенно-личными предложениями и предложениями с неопределенными местоимениями, по мнению М. А. Шелякина, состоит в том, что при несущественности обозначения субъекта, т.е. в неопределенно-личных предложениях, нет поиска референтной определенности, а неопределенные местоимения служат для номинации этого поиска [21, с. 66]. А. М. Пешковский также отмечает, что в неопределенно-личных предложениях подлежащее «намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» [15, с. 371]. В. В. Бабайцева о соотношении данных конструкций пишет,

что «неопределенность лексического значения местоимения *кто-то* объясняет и возникающую иногда потребность в конкретизации действующего лица, возможную и в неопределенно-личных предложениях, но несмотря на близость семантики и синтаксического поведения в тексте предложения типа *Кто-то к нам пришел* отличается от синонимичных неопределенно-личных типа *К нам пришли* интересом к деятелю, потребностью как-то уточнить действующее лицо...» [2, с. 146]. Автор объясняет, что двусоставные конструкции с неопределенными местоимениями в функции подлежащего не устраняют значения неопределенности деятеля, а показывают «желание говорящего обратить внимание на производителя действия, ограничить в какой-то мере действующее лицо указанием на одного деятеля, а не на неопределенное множество лиц» [Там же, с. 128].

По мнению М. А. Шелякина, сущность неопределенно-личных предложений заключается не в выражении неопределенности субъекта, а в выражении несущественности его референтной отнесенности как по признаку определенности, так и по признаку неопределенности [21, с. 67].

Е. В. Падучева в своей статье указывает, что данные конструкции не являются синонимичными, так как «неопределенное местоимение предполагает желание знать, а в семантике третьеличного нуля этот компонент начисто отсутствует» [14, с. 31].

Например:

(1) *В дверь стучат* [11, с. 58]! / *Dār mizānānd!*

(2) *В дверь кто-то стучит* [Там же]. / *Kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār dār mizānād.*

(3) *Меня спрашивали сегодня* [21, с. 66]. / *Emrouz āz mān soāl kārdānd.*

(4) *Меня спрашивал кто-нибудь* [Там же]? / *Kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār āz mān soāl kārd.*

(5) *У него мобильник украли* [14, с. 31]. / *Mobile ou rā dozdīdānd.*

(6) *Кто-то украл его мобильник* [Там же]. / *Kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār Mobile ou rā dozdīd.*

Персидский язык, как и русский, имеет способы обозначения действия, исходящего от неопределенного лица, которое неизвестно говорящим, хотя в отличие от русского языка соотношение этих способов ни в одной из книг по грамматике персидского языка не рассматривается [23, с. 43]. Как видно из переводов, в персидском языке, как и в русском, одним из способов выражения значения неопределенности лица-деятеля является употребление формы 3-го лица. Ю. А. Рубинчик отмечает, что «формам 3-го лица мн. числа свойственно неопределенно-личное значение, т.е. действие, обозначаемое личной формой глагола, относится не к известному лицу – подлежащему, а к нескольким не вполне определенным лицам: *Āz Tehrān xābār midāhānd... Из Тегерана сообщают...* и предложения с глаголом в форме 3-го лица – это бесподлежащие предложения, которые обозначают действие, совершаемое неопределенными лицами: *Šomā rā pāe telefon xāsteānd. Вас просят к телефону*» [17, с. 263, 385]. Автор указывает на то, что «отсутствие подлежащего является структурным признаком этих предложений» и «внимание говорящего сосредоточено на действии: *Dystām rā bārāe chāhār māh be māmyriet ferestādānd. Моего друга на четыре месяца послали в командировку*» [Там же, с. 385].

А. Шафаи в своей книге также говорит о том, что в персидском языке форма 3-го лица множественного числа в неопределенно-личных предложениях указывает на неопределенное лицо [26, s. 180].

А с точки зрения Т. Вахидиан-Камяр, глагол с морфемой *-nād* (т.е. форма 3-го лица) используется тогда, когда субъект неизвестен говорящему или известен, но он по некоторым причинам не называется его, хотя в принципе можно идентифицировать соответствующее лицо [27, s. 40, 46]. А. Шафаи также предполагает несколько причин для использования таких конструкций в персидском языке, среди которых можно указать на: неизвестность лица-деятеля говорящему; отнесенность действия ко всем или группам людей; скрытие действующего лица по тем или иным причинам и т.п. Но естественно, что во всех этих случаях говорящий уделяет внимание действию, а не действующему лицу [26, s. 180-181].

На основании указанных объяснений и приведенных примеров мы сделали вывод, что неопределенно-личные предложения в русском языке соответствуют неопределенно-личным предложениям в персидском языке.

В персидском языке, как и в русском языке, значение неопределенности лица-деятеля выражается при помощи неопределенных местоимений. Такие слова, как *Kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār* и т.д., по мнению Х. Анвари и Х. Ахмади Гиви, при отсутствии существительного указывают на неопределенное лицо и называются неопределенными местоимениями [24, s. 188]. К. Кардгар в своей работе объясняет, что неопределенные местоимения в персидском языке вопреки указанию на неопределенность, в отличие от неопределенных местоимений в русском языке, не передают различную степень неопределенности. В итоге данного исследования персидские неопределенные местоимения *Kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār* обладают одинаковым значением [9, с. 42-44].

По мнению М. Мешкотодини, предложения с неопределенными местоимениями в персидском языке используются, когда референт местоимения неважен говорящему и его внимание сосредоточится только на действии [25, s. 198], т.е. в отличие от русского, нет поиска референтной определенности.

Таким образом, опираясь на мнение М. Мешкотодини, можно сказать, что в персидском языке и в неопределенно-личных предложениях, и в предложениях с неопределенными местоимениями говорящий обращает внимание на действие. С нашей точки зрения, эти две конструкции в персидском языке в отличие от русского являются синонимичными.

Второе различие относится к количественному значению формы предиката в данных конструкциях. С точки зрения И. П. Распопова, в неопределенно-личных предложениях форма множественного числа вообще не обладает числовым значением: «...по форме главного члена неопределенно-личных предложений мы не можем установить, обозначают ли они в реальном смысле действие одного или нескольких лиц, как в примере: *По радио передают (передавали) последние известия*» [16, с. 470]. В книге «Русская грамматика»

также указывается на количественное значение неопределенно-личных предложений и говорится о том, что: «специфика субъекта здесь состоит в том, что это или вообще всякий, любой, или кто-то (некий), или некоторый» [18, с. 356]. М. А. Шелякин отмечает, что форма 3-го лица мн. числа глагола показывает «количественную неопределенность субъекта действия не в том смысле, что она выражает “один” или “не один”, а в смысле невыбранности, несущественности количественной определенности, допуская разное “количественное наполнение” субъекта в зависимости от ситуации, контекста, лексического значения глагола» [21, с. 69]. По мнению автора, в предложении с неопределенным местоимением, данное местоимение выражает «несущественность обозначенной неопределенности единичного субъекта», однако соответствующая неопределенно-личная конструкция «подчеркивает на несущественность обозначения субъекта в любом количестве и качестве» [Там же, с. 67]. Например:

(1) *В большом доме напротив **играла** на рояле (А. Чехов) [14, с. 27]. / Dār xāneye bozorge rouberou piāno mizādānd.*

(2) *В большом доме напротив **кто-то** играл на рояле. / Dār xāneye bozorge rouberou kāsī/yeki/šāxsi/yek nāfār piāno mizād.*

(3) *Мне **сказали**, что декан хочет со мной побеседовать [11, с. 56]. / Be mām goftānd ke rāis mixāhād bā mām sohbāt konād.*

(4) ***Кто-то** сказал мне, что декан хочет со мной побеседовать. / Kāsī/yeki/šāxsi/yek nāfār be mām goft ke rāis mixāhād bā mām sohbāt konād.*

В персидском языке, как и в русском, глагол в форме 3-го лица не обладает числовым значением и функционирует как пассивный глагол [27, с. 40], и конструкция с неопределенным местоимением *Kāsī/yeki/šāxsi/yek nāfār* по количественному значению предиката отличается от конструкции с глаголом в форме 3-лица.

В русском языке, когда в неопределенно-личных предложениях показывается реакция коллектива, то в силу констатации обобщения, замена этих конструкций двусоставными предложениями с неопределенными местоимениями невозможна [1, с. 109]. В персидском языке, так же как в русском языке, значение реакции коллектива выражается при помощи неопределенно-личных предложений, и в таком значении замена данных конструкций предложениями с неопределенными местоимениями невозможна:

(1) *От русских балетов **привыкли** ждать каждый раз совершенно нового, ошеломляющего, покоряющего, экзотически-пряного (М. Волошин) [Там же]. / Ādāt kārdeānd ke hār bār āz bālehāye rousī čiz kāmēlān nou, gij konānde, jāzāb vā be šekle gheyre māmoul tond o tiz entezār dāšte bāšānd.*

От русских балетов **кто-то привык ждать каждый раз совершенно нового, ошеломляющего, покоряющего, экзотически-пряного. / *Kāsī/yeki/šāxsi/yek nāfār ādāt kārde āst ke hār bār āz bālehāye rousī čiz kāmēlān nou, gij konānde, jāzāb vā be šekle gheyre māmoul tond o tiz entezār dāšte bāšād.*

Конструкции с неопределенным местоимением с частицей *-mo* при указании на повторяющееся и однородное действие невозможно заменить неопределенно-личными предложениями. Л. В. Красильникова упоминает, что предложения с неопределенным местоимением с частицей *-mo* в отличие от неопределенных предложений употребляются для обозначения повторяющихся и однородных действий:

(1) *Тебе несколько раз **кто-то** сегодня звонил [10, с. 356]. / Emrouz kāsī/yeki/šāxsi/yek nāfār čāndin bār be to zāng zād.*

(2) *Тебе много раз **звонили** [Там же]. / Čāndin bār be to zāng zādānd.*

С точки зрения автора, эти предложения не синонимичны, потому что в предложении с неопределенным местоимением говорящий предполагает, что звонил один и тот же человек. Если речь идет о разных людях, то предпочтительнее выбор неопределенно-личного предложения [Там же].

В персидском языке, как и в русском, существует полное различие между этими конструкциями. Данные структуры переводятся на персидский язык разными способами и не являются синонимичными.

Но в русском языке существуют моменты, когда эти две конструкции можно заменить друг на друга. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев полагают, что форма 3-го лица множественного числа характеризуется значением «неопределенно-представяемого субъекта», когда говорящий, несмотря на способность идентификации соответствующего лица в момент речи, использует неопределенно-личное предложение для воспроизведения своего состояния неведения. В таком случае значение неопределенно-личного предложения близко значению неопределенного местоимения *кто-то*. По существу, здесь мы имеем дело с собственно неизвестностью:

(1) *И тут **стукнули** в дверь, и я подошел в одеяле, шаркая разорванными туфлями, и рука соседки просунулась в щель и подала мне конверт (М. Булгаков) [4, с. 45]. / Dār in moghe dār zādānd vā mām bā pātoui be dorām vā zemne kešidāne kāfšhāye pāreām be dār nāzdik šodām, dāste hāmsāye āz šekāfe dār pākāte nāme rā be mām dād.*

(2) *И тут **кто-то** стукнул в дверь, и я подошел в одеяле, шаркая разорванными туфлями, и рука соседки просунулась в щель и подала мне конверт. / Dār in moghe kāsī/yeki/šāxsi/yek nāfār dār zād vā mām bā pātoui be dorām vā zemne kešidāne kāfšhāye pāreām be dār nāzdik šodām, dāste hāmsāye āz šekāfe dār pākāte nāme rā be mām dād.*

(3) *Позвонили в дверь. Коротенький, робкий звонок. Неужели Паша вернулся? Не может быть! Нет, не он (И. Грекова) [Там же]... / Zāng zādānd. Zāngi kouāh vā ārām. Momken āst pāšā bārgāšte bāšād? Nā nemišāvd! Ou nist...*

(4) ***Кто-то** позвонил в дверь. Коротенький, робкий звонок. Неужели Паша вернулся? Не может быть! Нет, не он... / Kāsī/yeki/šāxsi/yek nāfār zāng dār rā zād. Zāngi kouāh vā ārām. Momken āst pāšā bārgāšte bāšād? Nā nemišāvd! Ou nist...*

В персидском языке, как видно из переводов, как и в русском, эти две конструкции указывают на неизвестность субъекта и в этом значении являются синонимичными.

Иногда неопределенно-личные предложения употребляются в значении действия, производитель которого, воспринимаемый на слух, не виден или не известен при непредсказуемости, неожиданности действия. В таких конструкциях неопределенно-личные предложения являются синонимичными двусоставными с лексически неопределенными местоимениями:

(1) *Вдруг из другой комнаты крикнули господина Голядкина (Ф. Достоевский)* [1, с. 109]. / *Nāgāhān dār otāgh digār, āghāye Gālyādkin rā bā fāryād sedā zādūd.*

(2) *Вдруг из другой комнаты кто-то крикнул господина Голядкина.* / *Nāgāhān dār otāgh digār, kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār āghāye Gālyādkin rā bā fāryād sedā zād.*

(3) *Постучались в дверь, мать вскочила ... – Кто там (М. Горький)* [13, с. 49]? / *Dār zādānd, mādār pärid... Će kāsi ānjāst?*

(4) *Кто-то постучал в дверь, мать вскочила ... – Кто там?* / *Kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār dār zād, mādār pärid... Će kāsi ānjāst?*

Как видно из переводов, в персидском языке, как и в русском, в таких случаях (когда производитель действия воспринимается на слух и не известен при неожиданности действия) можно употребить и неопределенно-личные предложения, и предложения с неопределенными местоимениями *Kāsi/yeki/šāxsi/yek nāfār*.

Таким образом, можно сказать, что способы выражения значения неопределенности в персидском языке в большинстве случаев соответствуют русским способам. И в обоих языках неопределенно-личное предложение и предложение с неопределенными местоимениями по грамматико-семантическим свойствам не всегда являются синонимичными. Эти два предложения можно заменить друг на друга лишь при определенных условиях.

Список источников

1. Акимова Г. Н., Вяткина С. В. и др. Синтаксис современного русского языка. СПб.: Академия, 2009. 346 с.
2. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
3. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 5-40.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. С. 42-62.
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. М., 1972. 640 с.
6. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: в 2-х ч. М.: Просвещение, 1973. Ч. II. Синтаксис. 350 с.
7. Гневко В. Т., Кравченко З. Ф., Хмелевская Е. С. Современный русский язык: односоставные предложения, неполные и эллиптические предложения, простое осложненное предложение: учеб. пособие. Минск: Высшая школа, 1985. 175 с.
8. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
9. Кардгар К. Русские неопределенные местоимения и способы их передачи на персидский язык: магистерская диссертация. Тегеран, 2010. 84 с.
10. Красильникова Л. В. Выражение определенности и неопределенности // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 355-363.
11. Крючкова Л. С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения. М.: Владос, 2004. 466 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1998. 685 с.
13. Осипова Э. Н. Русский синтаксис: односоставность предложения. Архангельск: Поморский университет, 2009. 150 с.
14. Падучева Е. В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27-41.
15. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 2001. 544 с.
16. Распопов И. П. Синтаксис // Современный русский литературный язык. Л., 1981. 510 с.
17. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.
18. Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2. 789 с.
19. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. Изд-е 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
20. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык: в 3-х ч. М.: Просвещение, 1987. Ч. 2. Словообразование. Морфология. 256 с.
21. Шелякин М. А. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. С. 62-72.
22. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 288 с.
23. Эрфаниян С. М. Способы выражения значения «неопределенности лица-деятеля» в русском языке и их эквиваленты в персидском языке: магистерская диссертация. Тегеран, 2016. 100 с.
24. Ānvāri H. Āhmādi givi H. Dāstore zābāne fārsi. Jelde 2. Tehrān: Fātemi, 1378. 394 s. (Анвары Х. Ахмади гиви Х. Грамматика персидского языка. Тегеран: Фатем, 1999. Т. 2. 394 с.)
25. Meškotodini M. Dāstore zābāne fārsi (vāžegān vā peyvāndhāe sāxti). Tehrān: Sämt. 1384. 247 s. (Мешкотодини М. Грамматика персидского языка (лексика и структурные связи). Тегеран: Самт, 2005. 247 с.)
26. Šāfāi Ā. Mābānie elmie dāstore zābāne fārsi. Tehrān: Novin, 1363. 645 s. (Шафаи А. Научные основы грамматики персидского языка. Тегеран: Новин, 1984. 645 с.)
27. Växidiān Kāmyār T. Auā dār zābāne fārsi fele mājhuļ vojud dārād // Fāslnāme tāxāsosie ādābiāte fārsi dānešgāhe āzāde eslāmi. Māšhād, 1384. № 7&8. S. 39-46. (Вахидиан Камяр Т. Существует ли в персидском языке глаголы страдательного залога? // Специальный ежеквартальный журнал персидской литературы исламского университета «Азад». Мешхад, 2005. № 7-8. С. 39-46.)

**RELATION OF RUSSIAN ONE-MEMBER AND TWO-MEMBER SENTENCES
WITH THE INDEFINITE AGENT IN COMPARISON WITH THE PERSIAN LANGUAGE**

Aliyari Shorehdeli Mahboubeh, Ph. D. in Philology
Mohammadi Mohammad Reza, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Erfanian Saffar Marjan
University "Tarbiat Modares", Tehran, Iran
m.aliyari@modares.ac.ir; mrmoham@modares.ac.ir; m.erfanian@modares.ac.ir

In the Russian language the meaning of indefiniteness of an agent is realized in the use of various lexico-morphological and semantic means and between some of them there is some correlation. In the article the main attention is paid to the possibility or impossibility of replacing indefinite-personal sentences with sentences with indefinite pronouns in the comparative aspect of the Russian and Persian languages.

Key words and phrases: indefinite agent; indefinite-personal sentence; indefinite pronoun; the Russian language; the Persian language.

УДК 80

Статья посвящена сопоставительному анализу средств речевого этикета в русском и английском языках. Для анализа выбраны художественные произведения XIX века, так как классики этого времени внесли существенный вклад в обогащение русского и английского литературных языков. Именно художественная литература отражает развитие тенденции употребления средств речевого этикета в сравниваемых языках.

Ключевые слова и фразы: средства речевого этикета; сопоставительный метод; художественная литература; предложение-высказывание; формула общения; ситуация общения.

Баталов Александр Александрович
Российский университет дружбы народов, г. Москва
thebatalovs@gmail.com

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА**

Единицы разных уровней языковой системы, выступая в качестве средств речевого этикета (далее – СРЭ), выполняют одинаковые функции. Как лексические, так и синтаксические СРЭ, а также просодические средства, как правило, несут положительную эмоциональную нагрузку для установления и поддержания контакта между собеседниками путем смягчения тональности, исключения из речи слов, синтаксических структур, интонации, приводящих к непониманию, оскорблению и прочим отрицательным эмоциям. СРЭ служат инструментом передачи этикетных норм поведения, что позволяет не ограничивать трактовку речевого этикета (далее – РЭ) системой фразеологизированных формул общения (единиц речевого этикета (далее – ЕРЭ)), которые относятся к совокупности всех СРЭ как часть к целому.

Исследования связывают СРЭ с понятиями культуры речи и нормы, определяемой как внешнеязыковыми, так и внутриязыковыми факторами, что существенно для СРЭ [11; 14]. СРЭ – это языковые средства, употребляемые определенным языковым коллективом, их употребление связано с реализацией социальных норм. СРЭ являются речеобразующим средством, неотъемлемым и наиболее приемлемым элементом в конкретной ситуации устного и письменного общения. Устная речь занимает ведущее положение в дихотомии устная речь / письменная речь.

Употребление СРЭ в речи отвечает нормам речевого поведения, и соответствующие единицы языка являются полифункциональными не только в социальной ситуации, но и в социальной среде. СРЭ закрепляют традиционное употребление языковых единиц и создают новые речевые факты.

Выбор периода XIX века для сопоставления русского и английского языков объясняется тем, что в это время получила широкое признание русская литература. Это вызывало интерес к русскому языку, к его изучению [1, с. 3; 5, с. 18; 9, с. 180]. В это же время, в связи с территориальной экспансией Британской империи и с захватом все новых земель в различных участках земного шара, расширилась и сфера распространения английского языка.

Нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой «сравнительное изучение языковых структур и их роли в социальном общении – настоятельная задача...» [16, с. 317], определяемая необходимостью систематического изучения фактов сопоставляемых языков [8; 17].

В центре внимания настоящего исследования находится лексико-синтаксический аспект сопоставления, а именно СРЭ, выраженные в русском и английском языках разными словами и структурными типами предложения. Смысловая значимость этих СРЭ позволяет заметить их функциональную одноплановость и определить ее способы выражения аналогичных значений в двух языках.

Сопоставляя использование СРЭ в разговорной речи XIX века в русском и английском языках, можно заметить ряд несоответствий в употреблении СРЭ. Это объясняется рядом факторов, отражающих